

русской истории и после взятия Константинополя сделал большое добавление из Хроники Мартина Бельского, а в самый предшествующий текст внес изменения на основании каких-то иных греческих (бывших уже в переводах) источников, которые пока остаются неустановленными. В числе этих дополнений мы должны предполагать и нашу краткую повесть. От этой-то редакции 1520 года пошли те списки Хронографа, не деленного на главы, дошедшие до нас, где мы и встречаем нашу повесть. Списки же Хронографа, не деленного на главы, предполагают своим источником не непосредственно редакцию 1520 года, а какую-то последующую (вероятно, явившуюся в конце XVI века, как предполагает Шахматов), от которой уже непосредственно идут списки Хронографа, не деленного на главы, до нас дошедшие. Эта предполагаемая промежуточная редакция по месту происхождения относится к юго-западу России, как об этом свидетельствует язык этих списков: по крайней мере четыре списка (Толстовский, Тихомировский, Забелинский и Виленский) — происхождения юго-западного, что поддерживается и упомянутыми выписками из Мартина Бельского в каком-то ином переводе, нежели употребленный составителем редакции Хронографа 1617 года (второй — по Попову).¹

Результат анализа списков Хронографа, не деленного на главы, для нашей повести сводится к тому выводу, что повесть эта появилась не позднее 1520 года, хотя и дошла в списках не старших конца XVI века.

По характеру своему краткая повесть должна быть сочтена переводной. «Не подлежит сомнению, что повесть эта переведена с греческого», — говорит А. А. Шахматов (ук. соч., стр. 117). Но поиски ее греческого оригинала до сих пор остаются безуспешными. Прямых гречизмов, которые бы указывали на греческий оригинал, в повести также не находим.² Однако есть на это указания косвенные в самом содержании повести. К числу их можно отнести реплику по поводу смерти Джустиньяни (он в повести назван на греческий манер: Иоан Иустиян — Ἰωάννης Ἰουστίνιανος) умершего в Хиосе от раны в бесславии: «Блажен бы был, аще бы в самех стенах Византийских дух отдал». Так мог сказать грек-патриот. Так же автором-патриотом резко осуждаются граждане византийские, скрывшие свои сокровища во время осады или перед нею:³ «Аще бы изнурили [сокровища] в зашищение отечества, и свою убо жизнь, нечто и отечеству свободу соблюли». Далее автор сообщает, что турки повели всех в плен и добавляет: «Грех наших ради... их же ради сами на себе гнев привлекхом, возлюбивше славу человеческую, славы божия отпадохом». Весьма возможно, что и эта тирада (в первом лице множественного числа) скорее могла выйти из-под пера грека, нежели была общим местом.

¹ Отпадает мнение А. Н. Попова (Обзор хронографов русских редакторов. М., 1867 II, 25) о том, что по Толстовскому списку можно яснее судить о первоначальном югославянском Хронографе, легшем в основу русских. А. Н. Попов свое предположение основывал на присутствии в Толстовском списке юсов (точнее — большого юса), но наличие юсов в списке имеет иное объяснение: это — характерное для русских списков XVI века, так называемое «модное», болгаризирующее правописание Ср: А А Шахматов К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 21—22.

² До некоторой степени можно видеть след греческого оригинала в употреблении в тексте то «предградия», то «предградная»: может быть, греческое τὰ προάστια один раз передано существительным, другой раз — прилагательным в среднем множественном числе, как в греческом. То же, может быть, следует сказать и о слове «губительная» («греки свыше пушаху губительная» — прилагательное в среднем роде множественного числа без существительного), которое могло быть буквально переводом τὰ φθόριχα или τὰ φθόριμα, τὰ φθόρια, и т. п.

³ По взятии города сокровища эти были обнаружены